

IN

ДАВИД
ЛАГЕРКРАНЦ

ДЕВУШКА,
КОТОРАЯ
ДОЛЖНА
УМЕРЕТЬ

Москва
2020

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44
Л14

David Lagercrantz
HON SOM MÅSTE DÖ

Hon som måste dö © David Lagercrantz & Moggleden AB,
first published by Norstedts, Sweden, in 2019.
Published by agreement with Norstedts Agency

Лагеркранц, Давид.

Л14 Девушка, которая должна умереть / Давид Лагеркранц ; [перевод со шведского О. Б. Боченковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104916-4

Лисбет Саландер, великий хакер и неутомимый борец за справедливость, столько раз глядела в лицо смерти, что и сама уже не вспомнит. Столько раз она шла навстречу своей гибели, без страха и раздумий, — и всякий раз оставалась жива. Но в этот раз смерть сама решила прийти к ней. И она отнюдь не безлика — у нее лицо... родной сестры Лисбет. Камилла решила раз и навсегда покончить с той, кого она ненавидела всю свою жизнь. Она долго готовилась, копила силы и ненависть. Выжидала. И наконец дождалась. Лисбет Саландер должна умереть...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-104916-4

© Боченкова О.Б., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Этим летом в квартале объявился новый нищий.

Никто не знал его имени. Последнее вообще никого не заботило, даже молодую пару, которой он попадался на глаза каждое утро. Они называли его «сумасшедший карлик», и это было несправедливо по крайней мере наполовину. Рост нищего — сто пятьдесят четыре сантиметра, при довольно пропорциональном сложении вполне укладывался в рамки медицинской нормы. Зато привычка бросаться на людей, выкрикивая нечто невразумительное, явно указывала на отклонения в психике.

В перерывах между приступами, то есть бóльшую часть дня, нищий просил подаяния на площади Мариаторгет, рядом с фонтаном и статуей Тора. Он умел делать это с гордо поднятой головой, поэтому имел неплохие сборы. Его полный достоинства взгляд внушал прохожим почтение и мысли о поруганном величии, совсем недалекие от истины.

На щеке нищего чернело пятно, словно отмети-на самой смерти. Но самым примечательным была его куртка — дорогой пуховик «Монклер», некогда голубого цвета. Она нисколько не приближала нищего к миру нормальных людей, и не только потому,

что была покрыта слоем грязи. В Стокгольме стояло лето, и по щекам попрошайки струился пот. Один его вид навевал мысли о страданиях под палящим солнцем. При этом, похоже, никакая африканская жара не смогла бы заставить беднягу снять это сокровище.

Таких называют ходячими мертвецами. Верилось с трудом, что малыш с Мариаторгет мог представлять собой опасность для кого бы то ни было. Впрочем, в начале августа в нем появились признаки некоторого оживления. А вечером одиннадцатого числа нищий приклеил на автобусной остановке, неподалеку от станции Сёдра, листок формата А4 с отпечатанным на принтере текстом. Это было описание некоего кошмарного шторма. Совершенно бредовое; тем не менее молодому врачу Эльсе Сандберг, ожидавшей на остановке автобус четвертого маршрута, удалось расшифровать отдельные фразы, где, помимо прочего, упоминался известный политик.

В целом доктор Сандберг сосредоточилась на медицинской стороне проблемы и была готова диагностировать параноидальную шизофрению, когда вдруг подошел автобус, и случай забылся сам собой, оставив в душе неприятное послевкусие. Текст напоминал мутные пророчества Кассандры¹; истина, если и была в нем, облекалась таким слоем невразумительного бреда, что не вызывала никакого доверия.

Тем не менее шизофреническое откровение возымело действие. Во всяком случае, на следующее утро возле автобусной остановки припарковался голубой «Ауди», и вышедший из него парень в белой рубашке сорвал листок со стены.

¹ К а с с а н д р а — легендарная пророчица, предрекая гибель Трои.

В ночь на субботу пятнадцатого августа нищий подался в Нурра-Банторгет, за выпивкой. Там он повстречался с другим пьяницей, бывшим заводским рабочим Хейкки Йервиненом, с Эстерботтена.

— Привет, брат. Что, совсем худо? — обрадовался Йервинен.

Ответа он не получил — во всяком случае, сразу. Лишь спустя несколько минут малыш с Мариаторгет разразился невразумительной тирадой, которая показалась Йервинену напыщенной и порядком разозлила. Тот обозвал старого приятеля хвастуном и добавил, сам не зная почему, что тот похож на китайца.

— Я... камба-хен... я ненавижу Китай! — взревел в ответ нищий и двинул Йервинену кулаком в лицо.

Малыш не выглядел ни суперменом, ни бойцом кунг-фу, но удар получился впечатляющим — возможно, из-за внезапности. Утирая кровь с разбитой губы и бормоча финские проклятия, Хейкки ретировался в сторону метро.

В следующий раз нищий появился в своем квартале в сильном подпитии. Из рта его свисала струйка слюны. Малыш держался за горло и не переставая бормотал на ломаном английском:

— Я очень устал... Нужно найти дхарамсалу и лхаву... хорошего лхаву... вы не знаете где?

Получить ответ на свой вопрос он, похоже, не рассчитывал. Шатаясь на нетвердых ногах, пересек Рингсвеген, после чего бросил на землю наполовину выпитую бутылку без этикетки и скрылся в зарослях кустов в парке Тантолунден.

Что происходило потом, никто не видел. Но утром следующего дня пошел дождь и задул ветер с севера. А часам к восьми, когда небо прояснилось, труп ма-

лыша обнаружили в парке прислоненным к березе в сидячем положении.

Город готовился к празднику летнего солнцестояния. Никому не было дела до мертвого бродяги, который прожил жизнь, исполненную страданий, и умер мученической смертью. Еще меньше заботило людей, что покойный всю жизнь любил одну женщину, которая так же, как и он, окончила свои дни всеми брошенной и в жутком отчаянии.

ЧАСТЬ I

НЕОПОЗНАННЫЕ

*Немало мертвецов навсегда остаются
безымянными; некоторые из них
не обретают даже могилы.*

*Иные, впрочем, удостоиваются белого
креста, как на американском военном
кладбище в Нормандии.*

*Другим посвящают монументы, вроде
парижской Триумфальной арки
или памятника Неизвестному солдату
в Александровском саду в Москве.*

Глава 1

15 августа

Писательница Ингела Дюва первой осмелилась приблизиться к дереву и поняла, что человек мертв. Это произошло около половины двенадцатого пополудни. Тело распространяло невыносимый запах, вокруг него роились мухи и другие насекомые.

Ингела лукавила, когда говорила позже, что открывшееся ей зрелище было по-своему трогательным и даже внушало почтение. Как видно, малыша хорошо пронесло в последние часы жизни, и он сидел в луже рвоты и кала. Желудок Ингелы чуть не вывернуло наизнанку от омерзения и ужаса, потому что в голову сама собой закралась мысль о собственной смерти.

То же касалось и полиции. Сандра Линдваль и Самир Эман, прибывшие на место происшествия спустя четверть часа после звонка Ингелы, не нашли оснований для возбуждения уголовного дела.

Они сфотографировали труп и обыскали парк до самого спуска к Цинкенс-вег, где лежала наполовину выпитая бутылка с чем-то похожим на мелкий гравий на дне. Полицейские тщательно осмотрели голову и грудь покойного и, не обнаружив следов насилия, после короткого совещания с начальством, решили не устанавливать оцепление.

В ожидании медиков прошлись по карманам окончательно потерявшего форму некогда голубого пухо-

вика. Там обнаружилось много вошеной бумаги, в какую заворачивают сосиски в уличных кафе, несколько монет, двадцатикроновая купюра, кассовый чек из магазина канцтоваров на Хорнсгатан — и ни малейшего намека на личность покойного.

Утешало, что недостатка в особых приметах не было, поэтому опознание не представлялось делом безнадёжным, но и здесь полицию ждало разочарование. Труп вскрыли в отделении судмедэкспертизы в Сольне, отпечатки пальцев и рентгеновские снимки зубов пробили по базам — ни единого совпадения. Наконец данные передали в Национальный центр судебной экспертизы, где доктору Фредрике Нюман первой пришло в голову проверить телефонные номера, записанные на бумажке, найденной в кармане брюк мертвеца. Один из них принадлежал журналисту Микаэлю Блумквисту, и это насторожило доктора Нюман, но не более того.

Лишь спустя несколько часов, уже вечером, после громкой ссоры с дочерью-подростком, Фредрика Нюман снова вспомнила о безымянном покойнике из парка. Только за последний год она вскрыла три неопознанных тела, и каждый случай повергал ее в состояние глубокой депрессии.

Доктору Нюман было сорок девять лет. Она в одиночку растила двоих детей, мучилась болями в спине, бессонницей и осознанием бессмысленности жизни.

В тот вечер, сама не зная зачем, она позвонила Микаэлю Блумквисту.

* * *

Когда мобильник завибрировал, Микаэль, в льняных брюках и мятой джинсовой рубашке, прогуливался по Хорнсгатан в направлении Шлюза и Гамла

Стана. Увидев незнакомый номер, он отклонил вызов. Побродил еще немного по окрестным переулкам, устроился за столиком уличного кафе на Эстерлонггатан и заказал «Гиннесс».

Времени было семь вечера, но жара все еще держалась. Со стороны Шеппсхольмена слышались смех и аплодисменты. Глядя в голубое небо и чувствуя на лице освежающий морской ветерок, Микаэль почти поверил, что жизнь не такая уж глупая штука. И все-таки убедить себя в этом до конца ему не удалось, даже после двух кружек пива. Блумквист расплатился и решил было вернуться домой, к работе, детективам или какому-нибудь телесериалу, как вдруг передумал — и, сам не заметив как, очутился на пути к Фискаргатан, где в доме номер 9 жила Лисбет Саландер.

Собственно, Микаэль не особенно надеялся застать ее дома. После смерти своего старого опекуна Хольгера Пальмгрена Лисбет отправилась путешествовать по Европе и далеко не всегда отвечала на звонки и эсэмэски. Тем не менее он решил попытать счастья и пошел по поднимающейся от площади лестнице. Стена дома напротив была покрыта граффити. У Микаэля не было времени его разглядывать, но сюрреалистическая картинка поневоле привлекла внимание. Особенно бросился в глаза маленький веселый человечек в брюках в шотландскую клетку, стоявший босиком на крыше зеленого вагона метро.

Блумквист набрал код на двери и вошел в подъезд. В лифте посмотрелся в зеркало. Все такая же бледная кожа, запавшие глаза — непохоже, чтобы это солнечное лето что-нибудь изменило в его жизни. Весь июль Микаэль только и думал, что о крахе фондового рынка. Та еще история, и кризис был вызван не только неоправданным взвинчиванием ставок, но и хакерски-

ми атаками, и намеренной дезинформацией. Едва ли не каждый более-менее заметный журналист так или иначе отметился в этом деле. Но даже если Блумквисту и удалось что-то нарыть — к примеру, выяснить, какая из фабрик троллей¹ в России распространяла самую опасную ложь, — что-то подсказывало ему, что мир выстоял бы и без его, Блумквиста, вмешательства. Наверное, сейчас, как никогда, имело смысл взять отпуск, заняться спортом и... Эрикой, которая, похоже, решила-таки на развод с Грегером.

Наконец лифт остановился. Открыв стеклянную дверь, укрепленную стальными прутьями, Блумквист вышел на лестничную площадку. Теперь он почти не сомневался, что напрягался напрасно. Лисбет, конечно, не было дома. Она уехала, наплевав на его чувства.

Но в следующий момент его охватило нешуточное беспокойство. Дверь в ее квартиру стояла нараспашку. Микаэлю вдруг вспомнились все ужасы этого лета и похищение Лисбет «гангстершей» Бенито и ее приспешниками, чудом не окончившееся плачевно². Блумквист решительно шагнул через порог. В нос ударил запах краски и моющих средств.

— Привет! Эй...

Дальше он не пошел, потому что за спиной послышались тяжелые шаги. Кто-то, пыхтя, поднимался по

¹ Тр ол л и н г — форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении, использующаяся как персонализированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже, так и анонимными пользователями без возможности их идентификации. Методы троллей — провокация и подстрекательство, сознательный обман, клевета, возбуждение ссор и раздоров, призыв к неблагоприятным действиям.

² Об этом рассказывается в романе Д. Лагеркранца «Девушка, которая искала чужую тень».

лестнице. Обернувшись, Микаэль увидел двух крепких мужчин в голубых комбинезонах. Они втаскивали наверх какой-то тяжелый предмет и выглядели до такой степени озабоченными и серьезными, что Блумквист насторожился.

— Что это вы делаете? — спросил он.

— А вы как думаете? — отозвался один.

Что обо всем этом можно было подумать, в самом деле? Два грузчика пытались втащить в квартиру шикарный голубой диван. Но Лисбет, насколько Блумквист ее знал, не интересовалась дизайнерской мебелью. Вообще, обустройство жилья было последним, что занимало ее в жизни. Не успел Микаэль высказать свои соображения на этот счет, как из квартиры послышался голос. Лисбет — как показалось Блумквисту в первый момент. И он уже обрадовался, когда вдруг понял, что выдал желаемое за действительное. Даже отдаленно этот незнакомый женский голос не имел с Лисбет ничего общего.

— О, какой гость... Чему обязана такой честью?

На пороге квартиры стояла высокая чернокожая женщина чуть за сорок, в джинсах, элегантно серой блузе и с волосами, заплетенными в мелкие косички. Встретив насмешливый взгляд живых раскосых глаз, Блумквист смутился. Неужели они знакомы?

— Нет, нет... — пробормотал он. — Я всего лишь... ошибся этажом.

— Или не знали, что молодая дама продала квартиру?

Этого он не знал. Женщина улыбалась, отчего новость поразила его вдвойне неприятно. Блумквист даже испытал что-то вроде облегчения, когда дама отвернулась от него и стала следить, чтобы грузчики не поцарапали дверную раму.